

The illustration depicts a man and a woman in a romantic embrace. The man, on the right, has dark hair and is wearing a dark blue military-style uniform with gold epaulettes and a blue diamond-shaped brooch on his chest. He is looking down at the woman with a gentle expression. The woman, on the left, has blonde hair styled in an updo with a large red rose. She is wearing a blue and white dress with gold star-like details on the collar and a gold necklace. She is looking towards the man. The background features a large arched window with a grid pattern, through which light is streaming. To the left, a lit candle in a holder is visible. The overall atmosphere is warm and intimate.

Rin Dilin

СПАСИБО ЗА

Мечтѝ

18+

Рин Дилин
Спасибо за мечту

«Автор»

2026

Рин Дилин

Спасибо за мечту / Рин Дилин — «Автор», 2026

Мария, старенькая учительница, совсем не удивилась когда умерла: всему своё время. Гораздо больше эмоций вызвало то, что она очнулась в теле сестры-близнеца в другом мире, где правит светлая и тёмная магия. Она бы и дальше просто спала, не мешая жить Мари, если бы не трагическая случайность, оставившая её полноправной хозяйкой тела. И что теперь делать? Разгрести то, что успела начудить взбалмошная сестрица? Словно назло, Маше придётся нос к носу столкнуться с братом того, кого унизила её сестра и сполна ответить за чужие грехи. Справится ли она? Тем более что от её решений теперь зависят жизни детей Юга, заразившихся неизвестной болезнью. Лекарство от которой столь неудачно произрастает на землях оскорблённых сестрой князей Севера

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Гла	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Спасибо за мечту

Глава 1

Этот день все ждут с содроганием. Кто-то храбрится, старается не думать о плохом, но он всегда наступает неизбежно и внезапно. Ещё с вечера Мария, укладываясь спать, по привычке распланировала завтрашний день. Хотя, казалось бы, чего там планировать, когда ты давно на пенсии? Но ей так было спокойнее. Это вселяло хоть какую-то уверенность, что *этот* день ещё не наступит. Не он, не завтра. Хотя, признаться, она давно к нему была готова: устала, груз прожитых лет давил на разум, тело...

Сон не шёл. Отчего-то вспомнились ученики. Все те мальчики и девочки, что вылетели из-под её крыла. Их лица, горящие глаза остались в памяти. Мало кто навещал её теперь... Но она не обижалась, у них свои дороги, своя жизнь... Кто знает, как эти пути трудны и с чем им приходится бороться, что преодолевать? Наверняка просто нет времени, чтобы слушать ворчание своей совсем уже старой, первой учительницы...

Мария прикрыла веки и даже не поняла, как *она* настал. Вернее, закончился. Её последний день.

Сначала ей показалось, что она провалилась в ватную дрёму, и это мысли в её же голове продолжают жужжать, жужжать... Но после, глубоко заснув и изредка выныривая в эту ватность, прислушиваясь к голосам, она осознала, что умерла. Более того, переродилась.

По обрывкам разговоров поняла, что её душа заключена в теле сестры-близнеца, поглотившей её тело ещё в эмбриональном периоде. Та девочка росла, жила, а Маша оставалась в ней как в анабиозе: лишь изредка прислушивалась к тому, что происходило снаружи, но не могла ничего видеть и ощущать.

Вот же удивительное дело! Мария помнила, кто она и откуда. Девочку, в которой она была, называли очень созвучно – Мари. Мир оказался магическим, полным волшебства, и изредка Марии было жаль, что она не может взглянуть на него хотя бы одним глазком. Но в то же самое время она понимала, что произошла какая-то ошибка и было бы несправедливо по отношению к Мари, если бы она, старуха, заняла её место. Что видела та душа? У неё всё впервые и впереди, а у Марии... уже всё было. Поэтому она даже не предпринимала попыток отвоевать себе кусочек жизни, предпочитая спать и лишь иногда слушать.

Мать Мари, увидев, что у неё вместо обещанных магов-близнецов родилась лишь одна девочка, отдалилась от неё, считая это дурным знаком: в их мире маги рождались уравновешенными парами, один светлый, а второй тёмный. Поодиночке на свет появлялись лишь простолюдины без магического дара. Лекарь пытался убедить женщину, что малышка поглотила в утробе свою близняшку, поэтому наделена обоими видами магии, но та была непреклонна и не принимала дочь. Очень скоро графиня бросила девочку на своего, как она выражалась, «бесхребетного муженька», да и укатила в другое королевство с кем-то, кажется, бароном.

Отец же в дочери души не чаял. Баловал, как мог, и Маша, будь у неё тело, обязательно укоризненно покачала бы головой: любить детей строго обязательно, но доводить до подобной вседозволенности – совсем не дело!

С малых ногтей Мари уверяли, что она особенная. Что нет её краше и приятнее. Но чем старше она становилась, тем отчётливее выявлялось, что двойная магия в её теле блокирует сама себя, и девочка никогда не достигнет высот на этом поприще. Но и тут нашлись льстецы, принялись уверять отца-графа, что малышка наверняка родит сильнейших магов, а значит, она – уникум, бриллиант, и брак с ней желанен для любого претендента. Девчушка возгордилась ещё больше.

К моменту её дебюта в столице все слуги в замке выли от неё: проказы Мари давным-давно перешагнули все границы, она издевалась над людьми намеренно и с глумливой жестокостью. Отец Мари и рад был уже ей что-нибудь сказать, но хитрополая девица каждый раз оставляла всё так, что жертвой в случившемся всегда оказывалась она.

В столице Мари, конечно же, вызвала фурор: две магии в одном сосуде! И девушка блистала. Прилагала все силы, чтобы интерес к ней не угасал. Точно опытная интриганка, сама о себе распускала слухи, чтобы потом их же и опровергнуть. Высший свет был от Мари в восторге!

Не удивительно, что маги-юноши обеих стихий вились вокруг неё, балуя подарками и вниманием, а магессы набивались в подруги.

Мария среди кавалеров особо выделяла одного северянина. Конрад Махонад. Он отчего-то прибыл на балы один, без брата, по характеру был скромн и уравновешен. Ей нравилось, как он ухаживал за Мари, что говорил, и по всему было видно, что мужчина влюблён всерьёз.

Но взбалмошная девица, вдоволь наигравшись, заставила мага при всех преклонить перед нею колени и признаться в любви. А после, когда он это сделал, рассмеялась ему в лицо, прилюдно унизив и растоптав его чувства. Машу покорила низменность поступка, и впервые она пожалела, что не имеет связи с сестрой: ух, и высказала бы она ей! А ещё лучше – хорошенько отшлёпала бы!

Женщина ожидала, что оскорблённый гордый северянин вспылит, осыплет бранью негодяйку, но он лишь вымолвил лаконично:

– Спасибо за мечту.

И столько пронзительного было в этой фразе! Как он надеялся, что безразличен ей! О том, что рисовал уже в уме совместный быт и жизнь... И как сильно ранила она своим поступком, выдрав ему сердце...

«Спасибо за мечту»... М-да уж... Спасибо...

Марии было невероятно жаль его. Ей очень захотелось увидеть того, кто в юности своей по мудрости был на голову выше её, давным-давно убелённой сединами женщины.

Видимо, это желание было столь сильно, что Мироздание услышало его и явило справедливость: утром девица с подругами отправилась в парк на пикник и, переходя дорогу, попала под копыта понёсших лошадей.

В этот раз Маша пробуждалась столь болезненно, что невольно подумалось, что так, наверное, только рождаются. Но она, за годы заточения в теле близняшки, привыкла к беспомощному положению, что и помыслить не могла, что душа Мари могла покинуть тело, оставив её в полном одиночестве.

Глаза резануло от света, добавившего страдания. Маша попыталась проморгаться, но это совсем не помогло.

– Леди Бодо, – раздался знакомый голос лекаря, – постарайтесь не шевелиться. С вами случилось несчастье. Чудо, что вы выжили!

Мария привычно расслабилась, собираясь слушать очередное представление: сестрица наверняка закатит скандал, и скоро вокруг неё начнётся столпотворение. Но миновала секунда, другая, а Мари молчала. Это встревожило не только женщину, но и целителя.

– Леди Бодо, вы меня слышите?

Непроизвольно веки дрогнули, и Маша вновь зашипела от резанувшей в глазах боли.

– У вас явно световая болезнь из-за ударов по голове, – послышался взволнованный голос лекаря. – Постарайтесь не открывать глаза, я сейчас положу на них смоченную в зелье повязку, и боль уйдёт... Так вы слышите меня? Мой голос доставляет вам беспокойство? Вам кажется, что звук слишком резкий или, наоборот, тихий?

Маша не понимала, почему капризная девчонка не откликается, проворчала:

– Слышу-слышу, – как ей показалось, мысленно. Но тут же вздрогнула, услышав хриплый женский голос, который произнёс то же самое.

До неё, наконец, стал доходить весь ужас сложившейся ситуации: впервые за долгие годы Маша не ощущала сонливости; бьющий по глазам свет доставлял ей беспокойство, хотелось пить и... о, боже-боже! Неужели, это значило, что душа Мари упорхнула из тела, полностью вручив его ей?! Маша не была такой хваткой, как юная наследница рода Бодо!

А отец?! Подруги?! Высший свет?! Они все моментально поймут, что произошла подмена! Что же делать?!

Мысли хаотично метались от охватившей Марию паники. Она ощутила прикосновение к глазам влажной ткани и переполошилась ещё больше: ей срочно требовалось что-нибудь сказать! Мари наверняка бы обругала целителя из-за слишком холодного, горячего или влажного компресса, но из-за врождённой интеллигентности у Маши язык не поворачивался осыпать бранью того, кто старался помочь ей. К тому же, боль действительно почти сразу ушла.

– Не слишком горячий? – будто подслушав её мысли, забеспокоился лекарь.

– Благодарю, всё в порядке, – ответила она, даже не задумываясь. Вот, пожалуйста! О чём и речь! Её раскусят в два счёта!

Мужчина удивлённо кашлянул, помолчал и строго бросил кому-то:

– Прошу всех выйти! Мне нужно осмотреть леди Бодо ещё раз. Ну же! Живее! Прочь, прочь!

Послышались шаги, шуршанье тканей, тихое женское ворчанье, Маша узнала голоса служанки и подруг Мари. Она затаилась, страшась того, что должно было случиться, но всё равно произошло. Слишком быстро, на её взгляд.

– Вы же не Мари, дорогая, не так ли? – нахмурился лекарь, убирая с её лица компресс.

Маша приоткрыла глаза, чтобы тут же отвести их в сторону от мужчины. От волнения теребя кружево на рукаве, облизнула пересохшие губы, не зная, что теперь делать: врать Маша патологически не любила и всегда учила детей, что это плохо.

– С-с ч-чего вы взяли?.. М-мне просто нехорошо... – пролепетала, чувствуя, что краснеет, как школьник, подделавший подпись родителей в дневнике и пойманный на горячем.

– Я всегда подозревал, что в этом теле, имеющем два магических резерва, наверняка притаилась ещё одна душа, – проворковал целитель. Заклотив голову Маши в ладони для осмотра, он поочерёдно оттягивал нижние веки на её глазах. – Смотрите вверх, пожалуйста. Так, хорошо. И тут тоже. Так, как прикажете к вам обращаться, сударыня? – отпустил её и вновь одарил очаровательной улыбкой.

– Можете обращаться ко мне так же, как и раньше. Хотя я привыкла, что меня называют Марией, – поморщилась она, невольно отодвигаясь, и лекарь помог ей сесть, подложив под спину подушку. И тут же поспешно спохватилась: – Но в случае чего, я буду всё отрицать! И скажу, что ничего не помню!

Целитель заговорщицки подмигнул и протянул ей ладонь:

– Конечно-конечно! Такая травма вполне могла вызвать амнезию, я готов подтвердить! Леди Мари... Мария, но всё это будет, если вы согласитесь, чтобы я стал вашим личным целителем и сопроводил вас из столицы в имение...

– Вы хотите провести надо мной опыты? – подозрительно прищурилась Маша.

– Ничего болезненного или оскорбляющего ваше достоинство! – заверил он.

Она нахмурилась, обдумывая предложение. Несмотря на то, что Маша находилась в этом теле с рождения, знания о мире у неё были минимальные, и ей требовался тот, к кому бы она обратилась за разъяснениями. Лекарь мог стать отличным источником знаний.

– Хорошо, – сдалась она и пожала протянутую руку, – я согласна.

– Великолепно! – обрадовался мужчина. – Не возражаете, если я опять осмотрю вас?

Маша смиренно кивнула и легла, прикрыв глаза и позволив лекарю водить над собой руками, магически сканируя.

** *

Дождавшись от короля послание с выражением сочувствия о случившемся и дозволением вернуться в родовое имение, Мария распорядилась в тот же день выехать в усадьбу, хотя чувствовала себя день ото дня хуже, вопреки заверениям господина целителя, Рэя Каффера, что с телом всё в порядке.

Родись они, как и было им положено, у Маши была бы светлая магия, а у Мари — тёмная. Когда душа девушки покинула тело, главенство резервов изменилось, и тело почти мгновенно исцелилось. Что вызвало у Каффера бурный восторг.

В процессе осмотра оказалось, что теперь Маша, в отличие от Мари, вполне может управлять магией: она быстро научилась сканировать магическим зрением всё вокруг себя, и лекарь заверил, что дальнейшее овладение силой — дело техники.

Однако объяснить, почему девушка недомогает, Каффер не мог.

— Может быть, тело реагирует так на энергетическое изменение в себе и нужно просто подождать, когда оно привыкнет? — предположил он.

Маша в ответ только пожала плечами: если не знает он, то ей тем более неведомо.

К плохому самочувствию добавлялось то, что путь до родового имения был долог, а карета, как и её одежда, комфортом не отличалась. Маша, к своему стыду, несколько раз падала в обморок, и им приходилось останавливаться, чтобы дать ей передохнуть и прийти в себя.

Отец Мари, граф Энтони Бодо, встревоженный известием о трагедии в столице и задержкой прибытия дочери, выслал им навстречу отряд воинов. И Маша, стиснув зубы, приказала себе держаться из последних сил, а кучеру велела гнать лошадей без остановки до самого имения.

Едва сойдя с подножки кареты, Маша попросила служанку отвести её в покои Мари. Не обращая внимания на укоризненные взгляды воинов, не дожидаясь, когда её встретит отец, ушла. Стойко отшагав по галереям с прямой осанкой и высоко поднятой головой до комнаты, Маша прямо на пороге упала в обморок. И последнее, что она услышала, был пронзительный вопль служанки, зовущей целителя на помощь.

** *

Сознание в этот раз возвращалось медленнее. Маша ощутила на лице давящую влажность ткани, и хотела было пошевелиться, но услышав голоса, замерла: разговор явно шёл о ней.

— Я думал, что дома ей станет легче, не хотел замечать признаки, надеялся, что мне показалось, — говорил взволнованно Каффер. — Но теперь не осталось никаких сомнений. Тело вашей дочери, лорд Бодо, это не один сосуд, а два. Ваша дочь по сути — сросшиеся ровно посередине близнецы. Пока Мари была жива, а Мария находилась в ней в анабиозе, резервы были уравновешены, хоть и блокировали друг друга. Теперь же, когда одна душа покинула тело, а вернее, телá, вторая тоже еле-еле держится, не имея сил подчинить себе сразу два магических резерва. Всё-таки, душа Мари была в разы сильнее своей сестры...

— Значит, она всё-таки умерла... — узнала Маша голос отца Мари, хоть он и звучал безжизненно глухо.

— Да, граф. И более того, вы можете скоро потерять вторую дочь: связь с сестрой тянет девушку за собой, и она, скорее всего, умрёт...

— Есть какое-то «но»? Иначе зачем вы мне всё это говорите?

— Существует зелье, которое позволит удержать душу Марии. Но в его состав входит трава, которая произрастает только в Тёмной Пустоши...

— Я знаю, что это значит. Не тяните, Каффер! У вас есть рецепт этого зелья?

– Есть. Но я не хотел бы, чтобы леди его использовала: как и всё тёмное, зелье требует плату. Если леди Мария станет пить его, у неё не будет детей.

– Но... но она же наследница! Моя единственная дочь!

– Поэтому я и хочу вам сказать о втором варианте спасения. Её душе нужен «якорь». Что-то, что заставило бы Марию захотеть остаться в этом мире, какое-то очень сильное чувство...

– Любовь? – фыркнул граф. – Вы же сейчас об этом? Вы понимаете, что для нас, аристократов, это непозволительная роскошь? Наши браки всегда заключаются по расчёту...

– Поэтому я и говорю вам, чтобы вы знали и приняли решение самолично.

Они некоторое время помолчали, и граф пробурчал:

– Самое сильное чувство любви, которое может испытывать женщина, – это любовь к своему ребёнку... Что, если Мария, принимая зелье, выйдет замуж за какого-нибудь герцога без любви, а после родит, и таким образом у неё образуется ваш пресловутый «якорь»?..

– Вы забыли про плату, – возразил целитель. – Она не сможет родить, пока принимает зелье.

– Но она может влюбиться в кого угодно! – взвыл граф. – В конюха! Или вовсе в бродягу! И что тогда?! Мне нужно будет закрыть глаза на его происхождение, принять и со временем передать всё, что накоплено моими предками за столетия?!

– Есть ещё один выход... – еле слышно изрёк лекарь. – Мы не станем давать Марии никакого лекарства, и сегодня ночью она умрёт. А вы ещё достаточно крепки, чтобы жениться повторно и родить здоровых магически одарённых детей...

– Вы в своём уме?! Мария моя дочь! Тоже!

– Я просто предложил ещё один выход, коли мысль о конюхе в своём доме вам претит, – цинично заметил Каффер.

Повисло гнетущее молчание. Маша уже напряглась, решив, что граф склонится к третьему варианту, но разговор продолжился:

– Это зелье... оно у вас с собой? – устало прозвучал его голос.

– Есть, но мало: на всякий случай я вожу с собой чемодан с флакончиками.

– Дайте его Мари... Марии. Я не могу потерять ещё и эту дочь. И достаньте ещё. Проблему с конюхом я буду решать, когда он появится. Вполне возможно, что она полюбит достойного человека... А сейчас просто спасите её.

По шагам и скрипнувшей двери Маша поняла, что граф ушёл. Пошевелилась, разминая затёкшие от долгого неподвижного лежания мышцы, и убрала с лица компресс.

– Вы сказали ему, – упрекнула Каффера. – Хотя обещали мне не говорить.

Тот как раз доставал пузырёк из саквояжа.

– Он всё равно бы сразу понял, что вы не Мари, – невозмутимо откликнулся целитель, капая средство в стакан с водой.

– Но вы могли бы хотя бы не сообщать ему о возникшей проблеме, а обсудить её сперва со мной! – возмутилась она.

Мужчина поднёс стакан к её губам, помог привстать и выпить лекарство.

– Я должен был это сделать, леди Мария, – сказал он, когда она выпила всё до последней капли. – За то время, что я успел вас узнать, понял, что вы намеренно не станете искать якорь, а предпочтёте глотать зелье. День за днём. Когда же оно кончится, примете последний из предложенных сценариев: просто ляжете и умрёте. Но, боюсь, тогда для многих людей будет уже слишком поздно, чтобы что-то изменить: для вас, вашего отца и для... – он запнулся, помрачнел и поправил на ней одеяло: – Спите, леди Мария. Завтра вам станет намного лучше.

Маша хотела спросить, кого ещё лекарь имел в виду, но язык во рту еле ворочался, а веки произвольно закрылись.

Глава 2

Наступивший день порадовал Машу необычайной бодростью в теле: она уже успела забыть, каково это быть молодой и здоровой!

Зеркальное отражение явило ей привычную голубоглазую блондинку, коей при жизни являлась Мари. Хотя тёмные маги из пары близнецов обычно красовались карим цветом глаз и тёмной шевелюрой.

– Молодость всегда пригожа, – фыркнула отражению Маша, стараясь умерить радость от осознания, что она вполне себе миленькая. – Жаль, что всё проходит быстро.

На её голос в комнату заглянула горничная и всплеснула руками, заохав:

– Госпожа, зачем же вы встали?! Только вчера были белее снега, что покрывает ужасный Север, а теперь гарцуете по комнате, ощутив себя бодрой козочкой...

Берга, её верная служанка, была непривычно преклонных лет и больше подходила бы Мари в качестве кормилицы, нежели помощницы. Скорее всего, так оно и было: слишком уж Берга опекала госпожу и, подобно графу, закрывала глаза на «проказы», списывая на молодость и живость характера.

Маша фыркнула: от этих «невинных шалостей» у Берги имелся на руке шрам, но женщина всё равно души не чаяла в Мари, оправдывая любой её поступок.

«Любовь слепа» – это как раз про Бергу.

Впрочем, следовало признать, что и Мари испытывала к ней, по меньшей мере, симпатию. Потому что после случая с рукой она исключила женщину из списка своих жертв, оставив себе привилегию лишь изредка покрикивать на неё. Но даже в минуты гнева не позволяла себе переходить с Бергой на личности, унижить или обозвать её. Чего не стеснялась делать с другими слугами. Берга видела в этом признаки ответной сильной привязанности и только втрое сильнее опекала и обеляла её имя, готовая разъярённой кошкой вцепиться в глаза любому, кто посмеет высказаться как-нибудь нелюбезно о Мари.

«Аристократы связаны многими условностями, и моей бедной девочке приходится быть жестокой. Что может сделать нежный ягнёночек, оказавшийся среди волков? Только стать на них похожей. О, если б знали вы, как она страдает! Бедное, бедное дитя!» – всплыло в памяти Маши подслушивание Мари, ещё ребёнком, разговоров слуг, когда хозяев нет рядом. Берга даже за глаза высказывалась о Мари с трепетной нежностью.

«Наверняка кормилица», – решила Маша, а вслух поспешила успокоить женщину:

– Лекарь Каффер, наконец, нашёл средство, способное облегчить мои страдания. Смотри сама, мне гораздо лучше! – она повернулась вокруг своей оси, демонстрируя Берге, что прекрасно себя чувствует.

– А способ вернуть вам память так и не нашёл, – проворчала она, качая головой. – Бедная моя госпожа! У вас ведь даже взгляд другой! Какой ужас! Слуги, если узнают, вам на шею сядут, совсем обленятся! Вам срочно следует вернуть себе память, пока они вконец не обнаглели!

Говоря это, она хлопотала вокруг Маши, бегая то в купальню, набирая в ванну воду, то подбирая наряд и украшения. А Мария внезапно внутренне похолодела: Берга права! Это она видит в ней любимую девочку-ангелочка, а другие слуги, прознав, что характер дочери графа изменился, вполне могут начать мстить... Потому что многие проделки Мари почти всегда заканчивались травмами, и тогда... Вполне можно ждать иголок в белье или давленого стекла в пище.

– Берга, милая, ты должна... нет, просто обязана мне помочь! – клещом вцепилась в неё Маша. – Никто не должен узнать, что я – не я... В смысле, ничего не помню и стала совсем другой!..

Женщина замерла, и в её глазах заплескались слёзы. Девушка даже не успела спросить, что случилось, чем она её расстроила, как мокрые дорожки прочертили морщинистое лицо горничной, и она воскликнула, улыбаясь, словно наступил её самый счастливый день:

– Конечно, госпожа! Я всегда готова быть для вас полезной! О, Свет! Благодарю тебя, что даровал мне этот час! – встрепенулась, будто отвесила себе мысленно затрепину, и нахмурилась. – Во-первых, вам не следует называть слуг милыми. Даже меня. Хотя не скрою, для меня это будто музыка... – опять всхлипнула, но тут же взяла себя в руки. – Обращайтесь резко «эй, ты!», но лучше всего – надменно заломленная бровь и холодный взгляд свысока: хорошо вышколенный слуга тут же поймёт, что вам от него что-то требуется...

Говоря это, Берга отвела Машу в купальню, очень ловко раздела и усадила в ванну с горячей водой.

– Вот так? – обернулась на неё Маша и попыталась изобразить то, что советовала горничная.

Та восторженно покивала и продолжила наставлять, словно Маша вновь стала маленькой девочкой, которой требовалась помощь горничной-кормилицы. И Берга упивалась каждой секундой, сияя от счастья.

Очень скоро Мария, намытая до шелковистости кожи и умащенная ароматными средствами, была облачена в распространённую на Юге одежду: топ-бюстье, прекрасно поддерживающий грудь; кружевные трусики-шортики; свободно ниспадающие от талии до щиколоток штаны из лёгкого материала; расшитую узорную туника длиной по колено, но при этом с разрезами по бокам. Всё это дарило лёгкость и комфорт, а южный зной совсем не чувствовался: струящаяся ткань приятно холодила тело.

Маша с ненавистью вспомнила столичную моду: ох, уж эти корсеты-кринолины! К счастью, они остались позади.

Юг радовал Марию теплом, яркими красками и восхитительными ароматами, насыщавшими приятный ветерок. Буйная зелень, пронзительно синее небо, одно слово – юг!

Она глядела вокруг во все глаза, совершенно забыв наставления Берги проявлять ко всему безразличие, даже если встретит козла с двумя головами.

Ах, Маша так давно мечтала съездить на юг! Но то времени не хватало, то средств... положила руку на сердце, основной причиной были деньги. А выйдя на пенсию, она эти мысли и вовсе оставила, свести бы концы с концами... И вот он, юг!

Усадьба рода Бодо была лаконичной смесью средиземноморских строений с интересно продуманной архитектурой. Одноэтажные, с белёнными стенами, здания квадратами соединялись между собой открытыми галереями, являя то один внутренний садик, то другой. Все залы имели распашные окна-двери, и получалось так, что при открытии одна стена как бы исчезала, а зал примыкал к саду.

Маша была в восторге: простор какой! А воздух! И главное – совсем не жарко.

При встрече слуги склоняли голову, и ей приходилось унимать свою радость, натянув на лицо презрительную мину. Однако так и хотелось приветственно кивнуть в ответ, и стоило усилием сдержать порыв.

Все люди носили униформу: лёгкие серые брюки и коричневую тунику до колена с разрезами по бокам. Волосы женщин покрывали завязанные под простыми косами платки. Машу порадовало, что женщинам здесь не приходилось плотно укутывать голову или прикрывать лицо: это же сопеть можно!

Ей Берга сплела волосы в сложную косу, щедро украсив заколками, и Маша казалась себе восточной принцессой, рассматривая результат в зеркале. Впрочем, она таковой и являлась: не было никого богаче графа Бодо на юге, из-за чего его за глаза величали князем.

Граф обнаружился в зале-террасе с длинным столом. Именно тут он любил трапезничать, любуясь прекрасными цветами и фонтаном, бьющим кристальными струями воды.

С Мари любил, но её больше не было.

То, что мужчина всерьёз переживает утрату любимой дочери, Маша поняла, только взглянув на окаменевшее и серое от переживаний лицо. Залёгшие тени под глазами делали взгляд ещё темнее, будто пропитавшимся болью.

Вся лёгкая радость мигом улетучилась, и Мария почувствовала себя вековой старухой, занявшей чужое место: имела ли она вообще право быть здесь? Не лучше бы ему отослать её куда-нибудь, чтобы не видеть это лицо, которое напоминает Мари?

– Как себя чувствуешь? – надтреснутым голосом спросил граф, кивком указав на место за столом, которое ей следовало занять.

К ней тут же поспешил слуга, услужливо отодвинул стул и помог сесть. Не успела она и глазом моргнуть, как девушки сервировали её место и принесли еду.

– Благодарю, хорошо, – ответила Маша, не выдержав этого прямого испытующего взгляда, и опустив глаза перед собой на стол.

– Ты слышала наш разговор с Каффером, – заявил граф, и ей ничего не оставалось, как кивнуть. – Что ж, так даже лучше, – резюмировал он и развернул газету, будто дав понять, что разговор окончен.

Ароматный кофе в изящной чашечке, мягкие булочки, джем, сливочное масло и фрукты – всё это моментально перестало вызывать в ней аппетит из-за разлившейся во рту горечи. Лучше бы он приказал ей не показываться ему на глаза! Лучше бы укорил, что это из-за неё Мари больше нет, что именно Маша вытеснила её, убила! Чем вот так делать вид, что принимает, а на самом деле не находит в себе сил, чтобы просто смотреть на неё...

И в то же самое время Мария понимала, что в ней, а вернее, в её молодом теле, из-за возраста бушуют эмоции и гормоны: именно из-за них мир снова воспринимался очень сочно, ярко. Это кажется, что мудрость и степенность приходят с годами. На самом деле они появляются, когда в теле начинают иссякать гормоны, а половые инстинкты уже отключаются.

Всё это Маша понимала, как и то, что граф имеет право на скорбь, и ему требуется время, чтобы смириться с потерей Мари. Понимать-то она понимала, а вот с телом ничего поделать не могла: оно реагировало соответственно своему возрасту, а не возрасту души, находящейся в нём.

С усилием приняв безразличное выражение, Мария сглотнула слёзы и запила их крепким кофе. Даже подцепила пальчиками булочку, откусила маленький кусочек, прожевала и проглотила, совсем не чувствуя вкуса.

В полном молчании граф дочитал газету, встал из-за стола и направился на выход с террасы. Привычно остановился, заключил голову Маши в ладони и наклонился, явно намереваясь поцеловать в лоб, как делал это каждый раз, перед делами прощаясь с Мари. Но наткнувшись на взгляд Марии, вздрогнул и замер. В глазах мужчины промелькнула щемящая, раздирающая грудь тоска, и Маше показалось, что граф не станет её целовать, просто отпустит. Но он всё же быстро клюнул её в лоб сухим поцелуем, и, ничего не говоря, стремительно ушёл.

Дождавшись, когда его шаги стихли, девушка поднялась тоже. Позвала Бергу и, отойдя в укромный уголок, попросила напомнить, обязательно ли её присутствие за трапезами с отцом. Женщина округлила глаза и сказала, что Мари с графом не всегда вместе обедали и ужинали: то у неё, то у него иногда имелись дела. Но вот завтрак они всегда проводили вместе – это негласная незыблемая традиция этого дома. И пропустить начало дня возможно лишь, если кто-то находится в поездке.

Маша понимающе покивала и решила, что отныне ей не следует часто встречаться с мужчиной, который являлся её отцом. И распорядись судьба по-другому, у графа Бодо изначально было бы две дочери, а Маша не помнила бы своей прошлой жизни: росла бы такой же бойкой девчонкой, как и Мари.

Но завтрак... что ж. Раз даже граф не стал ничего менять, значит, на то есть веские причины. Те же слуги. Им только повод дай — и завтра уже в столице начнут судачить, что дочь Бодо сама на себя не похожа, как бы не тварь Пустоши заняла её место, поэтому на всякий случай наследницу Бодо скорее б сжечь, да и успокоиться на этом.

– Я просто хочу заняться самообразованием по магии, и не хотелось бы расстраивать отца больше, чем уже расстроила, – оправдалась Маша. – Если я стану уделять обучению много времени, то быстро разовьюсь как маг, и он будет мной гордиться.

Берга приняла это решение, как и все задумки Мари до этого, с большим энтузиазмом, пообещав приносить Маше обед и ужин прямо в комнату. Но вот завтрак госпоже пропускать было никак нельзя.

Прогулявшись с горничной по усадьбе и ознакомившись с расположением комнат, Маша обосновалась в библиотеке. Там её нашёл лекарь и сообщил, что для изготовления жизненно необходимого ей лекарства вынужден отправиться на север за ингредиентами.

– Запомните, Мария: каждый день перед сном вы должны принимать ровно тридцать капель зелья. Ни больше и не меньше, – строго наставлял он, вложив ей в руку флакон с тёмной жидкостью. – Это очень важно! Если вы, по какой-то причине, на следующий день в то же самое время не повторите приём, то в течение нескольких часов умрёте, вам ясно? Можно принимать чуть раньше, но не позже, чем край солнца коснётся горизонта. Тридцать капель! Запомнили?

Она завершила, что поняла, и он, с сомнением на неё глянув напоследок, отбыл.

Следующим, кто отвлёк Машу от занимательного чтения и подбора книг по магии, стала незнакомая служанка. С поклоном она сообщила, что граф уехал на ранчо и велел передать, что дела вынуждают его вплотную заняться табунами и виноградниками, поэтому в ближайшие дни присутствовать на обедах и ужинах он не сможет. Однако завтрак он будет проводить с Мари, как и прежде.

Маша оставалось только мысленно хмыкнуть над тем, что идея сократить общение пришла в голову не только ей. И всё же... Где-то глубоко в душе ей было горько от того, что граф не принял её. Смирился с её наличием в своей жизни – да. Но так, как терпят нелюбимых родственников, от которых невозможно избавиться и отдалиться: как, например, тещу. Хочешь не хочешь, а ради супруги придётся общаться. Свекрови тоже в эту копилочку.

А ей бы очень хотелось, чтобы граф хотя бы попытался увидеть в ней что-то хорошее! Да, она никогда не сможет заменить Мари, но разве она не достойна чуточки любви? Ведь он сам признал в ней вторую дочь, так что же?..

«Это в тебе говорят гормоны! – одёрнула себя Маша, пытаясь сосредоточиться на тексте. – Ему просто требуется время. Впрочем, как и тебе. Всё складывается как нельзя лучше: сейчас ты не готова скрыть тот факт, что ты на самом деле из другого мира. Общались бы близко, граф очень быстро раскусил бы тебя! А так многие странности он спишет на иной характер и любовь к чтению».

* * *

Дни потекли ровной вереницей. Маша составила себе такое плотное расписание, что вздыхать-охать и кручиниться стало некогда.

Утром – обязательный завтрак с графом. Ей стало уже привычно, что при её появлении мужчина утыкался в газету, и очень скоро она даже перестала обижаться за это. Сухой «отеческий чмок» в лоб в конце — и вот она уже предоставлена сама себе.

До обеда, пока солнце палило не столь невыносимо, Мария занималась магией. Раскачивала свой резерв, одновременно стараясь освоить всё новые и новые плетения. Маленький светляк, простой файербол, одновременное удержание нескольких светляков и файерболов – даже к освоению таких простых вещей она шла крохотными шагами. Но наградой за усердие

становилась радость: многие вещи с каждым разом получались всё легче. Некому было сказать ей «молодец» и поставить пятёрку, но на то она и учитель, чтобы суметь оценить саму себя.

И этой наградой являлись прогулки с Бергой в ближайший городок за новыми книгами. Яркие краски, насыщенные ароматы – юг не стеснялся быть крикливым и сочным, как разряженный попугай. Мария с жадностью впитывала всё, радуясь каждой минуте новой жизни. Ведь однажды вполне может случиться так, что у неё не останется зелья, и больше не будет времени откладывать жизнь на «потом».

Днём, как и на земном юге, было принято проводить время в отдыхе: палящее солнце валило с ног, до одурения окутывая звенящим зноем. Люди прикрывали ставнями окна, чтобы сохранить ускользящую прохладу, но это помогало мало, и Маша невыносимо страдала от отсутствия кондиционера или простого вентилятора.

– Если бы я не видела вас сразу после рождения, – с ласковой улыбкой сочувственно говорила Берга, – то вполне могла подумать, что вы родом с Севера, так плохо вы переносите духоту, госпожа. Видимо, вас сразу после появления на свет подменили злые духи: не зря же ваша кожа бела, как вечные снега в горах.

Мария на это лишь нечленораздельно мычала и отползала в купальню, чтобы в очередной раз хоть немного освежиться и остудить изнывающее от пекла тело. Что ей ответить горничной? Что она привыкла к другому климату, в котором чередовались четыре сезона, а не два?

Изнуряющее пекло в сухой период и невыносимая влажная духота с кучей кровососущих насекомых в сезон дождей – вот чем был Юг в новом мире Маши. И она порой малодушно умоляла Бергу прибить её, чтобы она так не мучилась. Служанка смеялась, приносила громадное опахало и обмахивала Машу, позволяя ей ненадолго забыться дневным сном.

Но стоило солнцу склониться к горизонту, и округа оживала. Окна-двери распахивались настежь, чтобы уловить малейшие потоки свежего бриза. Люди весело гомонили и возвращались к делам. Приободрялась и Мария: омывшись и переодевшись, отправлялась за новой порцией знаний.

Однако сегодняшний день ей напомнил о том, что это собака укусила Павлова и забыла, а Павлов ничего не забывал.

Сунув ноги в тапочки, Маша вскрикнула от боли и поспешила выдернуть их обратно. По её ступням из-за впившихся в ступни осколков стекла текла кровь. Само собой стекло в обувь попасть не могло: она ничего не разбивала. Да и до сестры Маша вполне спокойно проходила в этих туфельках, не испытывая какого-либо дискомфорта. А это значило, что злоумышленник пробрался в её покои, пока она спала. Всё-таки слуги стали мстить за проделки Мари! А она так старалась изменить впечатление о себе, была со всеми подчёркнуто вежливой и милой...

Видимо, и в этом мире существовали люди, которые воспитанность принимали за слабость. Что ж... Маше не раз приходилось быть не только доброй учительницей, но и злой мегерой, умеющей жёстко поставить на место как хулиганов, так и их родителей. Грустно, что такой момент наступил и в новой жизни.

Она дёрнула шнурок, призывая Бергу. Она побледнела и запричитала при виде алых полос на ногах госпожи. Кинулась было за лекарем (Каффер уже несколько дней как вернулся в усадьбу), но Маша её остановила. По взгляду горничной она поняла, что битое стекло в туфлях её не удивило. Придав голосу грозные нотки, Маша заставила Бергу всё рассказать.

Оказалось, горничная давно уже находила в нарядах Маши, постели и в полотенцах воткнутые иголки и булавки. Если в одежде их нахождение можно было списать на забывчивость портнихи, то полотенца, подушки и матрац выдавали намеренные пакости. Берге не хотелось расстраивать и отвлекать от занятий госпожу, и она пыталась самостоятельно поймать злоумышленницу с поличным. Чтобы потом, когда вдоволь надаёт ей оплеух и лично выдерет ей космы, оттащить негодяйку к графу и всё рассказать.

На вопрос Маши, с чего она решила, что пакостит женщина, Берга пожала плечами:

– Иголки, стекло – это чисто женские штучки, госпожа. Мужчинам хода в ваши покои нет, если только это не господин Каффер или граф. К тому же раньше я не была уверена, где искать злоумышленницу: мне казалось, что вредит кто-то из прачек, возвращая одежду сразу с иглами, а в кровать втыкают, когда приносят сменное бельё. Я взяла на себя смелость запретить им входить в ваши покои, мол, отныне буду забирать бельё сама. Однако теперь, когда подсыпали стекло во время вашего дневного отдыха, могу точно сказать, что орудует горничная: она подсмотрела, что я вышла из ваших покоев отнести грязные вещи в стирку, проскользнула и...

– Или орудуют несколько человек, – поморщилась Маша, вынимая из ног стёклышки и складывая в носовой платок. – Тебе следовало сказать мне о найденных иглах раньше, – попрекнула она горничную.

Та помогла забинтовать девушке ноги, недоумевая, почему хозяйка не желает воспользоваться услугами лекаря, раз уж он живёт в усадьбе на полном пансионе. Но у Маши уже созрел план по поиску смутьянов и избавлению от них. К тому же, она успела изучить несколько простых лекарских плетений, которые могла применить для самоизлечения, но порезы пока ей требовались для пробуждения совести в невинных.

Должна же она у них быть? Или, благодаря Мари, остатки этого чувства покрылись плотным налётом ненависти к хозяйке? В таком случае, для собственной же безопасности требовалось устранить подобных гиен.

Мария велела Берге собрать горничных и управляющего слугами в том зале, в котором они завтракали с графом. А также сказала, чтобы горничная не забыла принести туда те булавки и иголки, которые она нашла в одежде и постели.

Натянув другие туфли, хромая и шипя, Маша неторопливо прошла в трапезную. Служанки уже были там, но вопреки ожиданиям, не построились, а рассредоточились маленькими группками, что-то обсуждая, и при её появлении просто покосились на неё, не затрудняясь принять хоть какой-то соответствующий вид.

М-да... Кажется, Берга была абсолютно права, когда говорила, что из-за изменений в характере наследницы рода Бодо многие обнаглеют и решат, что имеют право усесться молодой хозяйке на голову. Маша заметила тех, кто при взгляде на её перебинтованные ступни хмыльнулся, даже не скрывая злорадство. Таких было достаточно.

Маша прошла к столу, развернула стул-кресло так, чтобы оказаться спиной к столу, а к маленькому внутреннему садику — лицом. Села и, не глядя на управляющего, обратилась к нему:

– Господин Эникен, у нас проблемы.

– Какие? – ответил мужчина, всё так же стоя в стороне.

– Я велела передать вам, что желаю видеть вас и всех горничных. Но вот я пришла и что же наблюдаю? Полный зал каких-то людей, вы где-то ходите, и никого, кого бы я могла назвать хорошо воспитанным слугой, – она демонстративно жестом указала на пустующее перед собой пространство. – У нас проблема, господин Эникен. Кажется, вы занимаете не своё место, раз мне приходится говорить вам, что слуги плохо вышколены...

Она специально говорила тихим голосом, не переходя на крик, как до этого вела себя Мари. Ей хотелось, чтобы люди привыкли к тому, что отныне и хвалить, и отчитывать их она будет спокойным, ровным тоном. А значит, к ней всегда следует относиться почтительно.

Чутким слухом во время речи она уловила шепотки в нескольких группках: барышни продолжали сплетничать, не соизволив даже сделать вид, что им интересно, по какому поводу госпожа собрала их. Маша запомнила кто переговаривался.

Управляющий скривился и прошипел женщинам:

– Построились! Бегом!

Берга тоже поспешила примкнуть к остальным, но Маша её остановила:

– Берга, встань рядом со мной, ты будешь мне ассистировать, – раздалось ядовитое хмыканье, и этих служанок Маша тоже запомнила. Автоматически прикинув в уме общее отмеченное количество, Маша невольно ужаснулась: больше половины! А ведь это только начало...

Когда слуги выстроились плотной шеренгой перед ней, Мария опять обратилась к горничной:

– Милая, продемонстрируй, пожалуйста, господину Эникену и остальным то, что ты нашла в моей постели и одежде, – служанка украдкой бросила на девушку укоризненный взгляд, напомнив, что госпоже не следует называть слуг «милыми».

Но Маша его проигнорировала: сейчас она устанавливала новые правила. И всем придётся смириться с тем, что Мария использует слова «спасибо», «пожалуйста» и, да, конечно же, называет слуг «милыми», если ей так хочется. При этом к ней следует в соответствии с её статусом.

Берга высыпала на стол из двух жестяных коробок две приличные кучки игл и булавок. Управляющий побледнел и шумно сглотнул. Даже Маша не ожидала увидеть столько: они что, лавку портного ограбили, чтобы только ей досадить?! Затем служанка достала из кармана платок, в который она собрала стекло, высыпанное из тапочек и вынутое из ступней Марии. Девушка скинула туфли, демонстрируя ноги: потревоженные от ходьбы ранки щедро пропитали бинты кровью, и зрелище получилось весьма впечатляющим.

Кажется, управляющему окончательно стало дурно. Но Машу интересовал не он. Она цепко следила за реакцией. Кое-кто из отмеченных с трудом сдержал хмыканье, лишь подтвердив своим поведением правильность выбора. Но были и те, в глазах которых промелькнуло сочувствие. Их Маша тоже заметила, но уже в другом качестве, словно вручив каждой по тотему неприкосновенности на сегодня.

– Посещение столицы и её чудеса перевернули мою жизнь, – Мария тщательно подбирала слова. – Несчастный случай, произошедший там со мной, заставил меня полностью переоценить отношение не только к своей судьбе, но и к людям. Я решила измениться, стать другой... – со стороны претенденток на вылет донеслось еле различимое фырканье, но Маша продолжила, даже бровью на них не повела. – Хотя некоторые, как я успела понять, приняли моё решение за слабость. Что ж, мне придётся вас разочаровать и объяснить, почему я поступаю так, а не иначе, и отчего моё решение – не случайность и уж тем более не бесхребетность...

Она запалила несколько светляков и отправила их плавать перед выстроившимися слугами. Шары, по её мысленному приказу, зависли перед теми девушками, которых она запланировала на немедленное увольнение: демонстративно фыркать и хихикать над хозяйкой, из рук которой получаешь жалование – весьма глупое решение. Да, платит им граф, но Маша – его дочь и наследница рода! И однажды возглавит этот дом. Поэтому не стоит каждой служанке объяснять, что подобное поведение – недопустимо, они должны знать это сами. Если же подобного разума в них нет, они вольны подыскать себе работу в другом месте.

– Как видите, боги наградили меня магией, – продолжала Маша. – А подобный дар подразумевает и другую ответственность: как прежде уже не будет. Но это вовсе не значит, что я буду спускать пакости против меня. Наказывать буду по-другому, но спускать – точно нет.

Ответом ей была тишина. Одни внимали с благоговейным трепетом, узрев воочию магию, а другие, напротив которых висели шары, старались храбриться. Маша видела: в их души закрался страх, но признавать проигрыш они не собирались. А это значило, что мелкие каверзы продолжатся. Вздохнув от того, что иногда приходится быть жёсткой, девушка сказала:

– Те, напротив кого висят светляки, выйдите из строя и сейчас же покиньте мой дом: вы уволены.

– Но мы ничего не делали! – вздёрнув подбородок, воскликнула одна нахалка, и Маша не сдержалась.

Бурлящий в душе гнев передался магическому шару, и он, ярко вспыхнув, оглушительно лопнул, заставив слуг отшатнуться, а девушку от испуга рефлекторно закрыть лицо ладонями от пламени.

– Пошли вон! – гаркнула Маша, и перепуганные женщины рванули прочь, не дожидаясь, когда и их светляки лопнут.

Даже не взглянув им вслед, Мария обвела взглядом сильно поредевший строй. В зале повисла напряжённая атмосфера. Наконец до всех дошло, что доброту хозяйки не стоит проверять на прочность.

– Надеюсь, никому не нужно объяснять, что магические ожоги неизлечимы? В отличие от этого, – она размотала бинты и под общий поражённый вздох применила плетение заклинания.

Встала, демонстрируя, что ступни снова в порядке. Повелением пальца сожгла бинты и посмотрела на управляющего.

– Господин Эникен, сегодня я вам вынесла первое и последнее предупреждение. Если я замечу на своих вещах хоть крохотное пятнышко, а где-нибудь на потолке в усадьбе висящую паутину, новое место работы станете подыскивать уже вы: потому что я нахожу неразумным платить человеку жалованье и при этом выполнять его работу. Вам понятно?

Мужчина что-то хотел возразить, но вовремя захлопнул рот и склонился:

– Да, госпожа. Прошу простить меня.

Величественно кивнув, Мария покинула трапезную, удовлетворённо отметив, что слуги её уход проводили поклоном. В том, что Эникен нажалуется на неё графу, Маша не сомневалась ни секунды.

Завтрашняя утренняя трапеза с отцом обещала быть интересной.

Глава 3

После показательного карания слуг, эмоции ещё бурлили в груди, и Маша решила воспользоваться этим духовным подъёмом, чтобы освоить сложные заклинания.

В частности, ей с трудом давались некоторые плетения магии при работе с растениями. В оранжерее, где выращивались редкие виды, она пыталась изменить генную структуру пары-тройки образцов. Например, получить столь любимые ею прежде жёлтые томаты.

Но сколько бы она не вливала в них магию, сколько бы не удобряла, раз за разом ростки постигала печальная участь: они погибали.

– Хм, возможно ли, служанки пакостили мне и здесь, а я решила, что плетение неподходящее? – задумчиво потёрла губу Маша и поморщилась: – Чтобы исключить фактор намеренного вредительства придётся начинать всё заново!

– А может быть, росточкам просто жарко? – прозвучал рядом детский голосок.

Маша обернулась на звук и замерла, рассматривая озорное мальчишеское лицо. Голубые глаза, светлые волосы – всё это не сбilo её с толку. Она смотрела на мальчика и наметанным взглядом видела явного потомка графа Бодо.

Как там на Земле любят учителя поговаривать? «Учишь вас, лоботрясов, учишь, только вздохнёшь с облегчением, а через десять лет приходит ваша ушастая копия и всё начинается заново...»

Да, всё так... Вот и тут на неё смотрела, пусть и не ушастая, но всё-таки копия графа Бодо. Лёгкое сияние в глазах подсказывало, что мальчик обладает даром светлой магии, а значит, у него должен быть...

Додумать ей не дало шипение из-за раскидистого куста:

– Пс-с! Верд! Не разговаривай с ней, а то нам влетит! – тёмные волосы, карие глаза и, безусловно имеющийся дар к тёмной магии – ещё одна «не-ушастая» копия её отца.

Блондин дёрнулся, испуганно сверкнув на неё глазёнками, словно вспомнив о запрете, а заодно и последующем наказании, поэтому, чтобы пресечь его попытку к бегству, Маша наигранно задумчиво произнесла:

– Так ты полагаешь, что они могут погибнуть из-за того, что им слишком жарко?

Её спокойный тон, отсутствие резких движений и то, что она интересовалась его мнением, заставило ребёнка остаться на месте, а его брата-близнеца выйти из укрытия и от любопытства, чего это они там рассматривают, сделать крохотный шагочек в их сторону.

Ощувив в этом жесте поддержку от брата, Верд тоже приблизился и с достоинством произнёс:

– Конечно! Разве ты не видишь, как они сторбились? А те, – ткнул пальцем в пока ещё живые росточки, – опустили листики так, как будто им грустно или они устали...

Мария задумчиво потёрла губу: не всегда устами младенца глаголет истина, но в этом однозначно что-то было... Как будто ростки устали... Хм...

– Может быть, им не хватает воды? – предположила она.

– Или слишком много, – подхватил Верд, придвигаясь ещё ближе.

– Зачем гадать? – проворчал брюнет. – Ясно же, что им тут просто не нравится.

Брат восторженно закивал:

– Можно посадить возле нашего домика! Тогда бы могли за ними присматривать...

– Ты что! – шикнул на него брюнет, косясь на Машу. – Если кто-то узнает...

Договорить он не успел, потому что из глубин оранжереи донёсся встревоженный женский зов:

– Джард! Верд! Где вы?! Негодные мальчишки! Вот я вам задам!

Близнецы побледнели, и заметались глазами по кустам, явно прикидывая, куда можно улизнуть и спрятаться. Но не успели: обладательница неприятно визгливого тембра появилась на дорожке и увидела их.

– Ну, держитесь!.. – но тут она заметила Машу, которая рефлексивно шагнула, загоразживая мальчиков собой.

Одного взгляда Марии хватило, чтобы понять, что эта особа не мать мальчиков: на женщине была стандартная униформа служанки. Поэтому она нашла разумным окатить её холодным взглядом и надменно заломить бровь – всё как учила Берга. Служанка тут же склонилась и пролепетала:

– Прошу простить, госпожа, за беспокойство... просто... я кое-кого искала... – бросила злобный взгляд на близнецов и прошипела: – Идите сюда, гадкие мальчишки! Вам что было велено?!

Мальчики вздохнули и понуро вышли из-за Маши. Поплелись было к служанке, но девушка жестом заставила их остановиться.

– А что им было велено? – строго спросила служанку.

Хотя и так знала: не показываться на глаза Мари – вот что. И с одной стороны Маша с таким запретом была согласна, сестрица наверняка бы постаралась избавиться братьев-бастардов. Угостила бы украдкой чем-нибудь, а потом – ой! Какая досада! – дети прислуги умерли...

– Чтобы эти шалуны не мешали вам, моя госпожа, – вывернулась служанка, а увидев, что Маша открыла рот, чтобы что-то сказать, взмолилась: – Не говорите графу, что видели их, не то мне влетит! Обещаю, что они вас больше не побеспокоят! – и разразилась слезами, падая перед ней на колени и картинно заламывая руки.

От неожиданности брови Маши опять взлетели, но она тут же справилась с собой: какая бездарная актёрская игра! В ответ на это лицемерие и сама без стеснения слукавила:

– Поднимитесь, я не стану говорить отцу, что общалась с мальчиками. К чему такая трагедия? Мало ли в усадьбе детей... – поморщилась, демонстрируя, что близнецы ей вовсе неинтересны. И в этом состояла полуправда: Маша не собиралась говорить графу, что разговаривала с Джардом и Вердом, а вот то, что она их видела – обязательно.

Женщина подскочила на ноги, схватила за руки нехотя подошедших близнецов и поспешила от Маши прочь, бесцеремонно волоча ребят за собой. Даже не обращая внимания на то, что те не поспевают, дёргала их, отчего мальчики не могли сдерживать стонов. Было заметно, что она причиняла боль им не впервые и делала это с явным наслаждением.

Маше пока оставалось только морщиться: возмутительно! Вот именно поэтому она и собиралась обсудить с графом Бодо вопрос о признании им Джарда и Верда. Более того, идея о том, что будь её братья объявлены наследниками, с шеи Маши исчезла бы удавка в виде необходимости найти «якорь» и желательно-обязательно в аристократической среде.

Скинув непосильную ношу наследования огромного состояния Бодо на плечи будущих мужчин, Маша вполне могла и дальше попивать зелье и заниматься тем, чем её душе было бы угодно: магией или опять пойти учить детей... И никто бы её не подгонял и не сопел разочарованно в затылок: скорей-скорей!

Даже если граф решит её выдать за какого-нибудь состоятельного старичка, согласного на то, что у них с Машей не будет детей, что ж, она была не склонна к истерикам и вполне сможет ужиться с великовозрастным мужем. Тем более, что она до сих пор не ощущала себя той юной стрекозой, что являло ей зеркало. А с убелённым сединами мужчиной ей уж всяко больше найдётся о чём поговорить, чем с каким-нибудь, скажем, сорокалетним юнцом...

Марию так захватила эта идея, что когда за завтраком граф проронил из-за газеты:

– Мне сообщили, что ты уволила слуг и грозила увольнением управляющему... – она поперхнулась от неожиданности и с трудом просипела:

– Это правда.

Совсем из головы вылетело! Она так озаботилась выяснением где и в каких условиях на территории усадьбы живут Джард и Верд, что совсем позабыла о произошедшем инциденте! А Эникен каков?! Нажаловался всё же! Вот негодяй...

Она приготовилась отражать недовольство графа, но тот лишь не глядя бросил:

– Я рад, что ты уже чувствуешь себя лучше, и решила заняться домом. Мне, как видишь, постоянно недосуг, – и всё.

Мария поняла, что если сейчас она не затронет волнующую её тему, то буквально через минуту-две будет поздно: граф уйдёт и нужно будет ждать следующего дня.

– Вы правы, – взяла она себя в руки и с достоинством посмотрела на него. – И кстати о моём здоровье... Отец, я чувствую себя уже достаточно хорошо, чтобы мои братья завтракали с нами...

Тут поперхнулся воздухом Бодо. Служанка поспешила подать ему воды, он отложил газету, выпил и вперился глазами на Машу так, словно видел впервые.

– Совершая после обеда променады, я видела, как они играли... – невозмутимо добавила она, хотя внутри все жилочки дрожали. – Они на вас так похожи, просто чудо!..

– Так, вон! Пошли все вон! – рявкнул граф на служанок и Маше пришлось замолчать, дожидаясь, когда их покинут.

Лишь стоило дверям закрыться, а графу на неё посмотреть, как она состроила удивлённое выражение и невинно взмахнула на него ресничками:

– Я что-нибудь не то сказала?

– Мари... Мария... Они... – просипел мужчина.

– Бастарды, знаю, – закончила за него Маша, скинув с себя наигранные личины. – Но в них течёт ваша кровь! И магия! Мальчики ею обладают! Если бы вы их признали и официально ввели в род наследниками, это бы решило все наши проблемы одним махом!

На одном дыхании она поведала ему о своих размышлениях и граф её молча выслушал. Всё больше Маша видела, как взгляд отца, направленный на неё если не теплеет, то наполняется уважением: не всякий готов уступить огромное состояние.

Но у Маши просто не было выбора. Вдруг Кафферу когда-нибудь не удастся вовремя передать ей порции изготовленного зелья? Вдруг он сам умрёт? И что тогда? Получится, что и Маши не станет, и близнецы не получат то, на что имеют право по факту рождения: всё раздерут в грызню между собой «законные» дальние родственники. А так... хотя бы у мальчишек был шанс на достойную жизнь.

– Но что будет тогда с тобой? – сухо поинтересовался граф, и Маша поняла, что он имеет в виду. Фраза «когда я умру», осталась невысказанной, но буквально повисла в воздухе над столом.

Она в ответ безразлично пожала плечами:

– Уеду куда-нибудь, устроюсь гувернанткой или сельской учительницей...

– Моя дочь не будет прислуживать крестьянам! – побагровев взревел граф. – Я сейчас же изменю завещание и назначу тебе пожизненное содержание! Не волнуйся, его хватит и на домик в живописном месте, и на нескольких слуг, и на тихую жизнь с маленькими излишествами!

Маша улыбнулась от того, как легко ей удалось уговорить отца сделать мальчиков наследниками. Граф было порывисто отодвинул стул, издав жуткий грохот его ножками по полу, словно и впрямь собрался немедленно нестись в кабинет и отправлять гонца за поверенным, но Маша жестом попросила его остаться и позвонила в колокольчик, зовя слугу. Мужчина, поняв, что на уме Маши есть ещё что-то, сел обратно, молча ожидая развития событий.

– Добавьте приборы ещё на две персоны, – распорядилась она, когда слуга склонился возле неё в поклоне. – И приведите сюда мальчиков, что проживают в старом домике садовника в дальней восточной части усадьбы.

– Дочь, ты... – отчего-то жутко занервничал граф, и Маша успокаивающе ему улыбнулась, отлично понимая, какая буря эмоций сейчас обуяла мужчину:

– Когда-нибудь это всё равно случится, отец. Так почему бы не прямо сейчас? Они наверняка ещё не успели позавтракать.

Граф махнул слуге, подтверждая её приказ, и откинулся на стуле, в нервном движении теребя ворот рубашки так, словно ему не хватало воздуха. Маша же, тщетно скрывая улыбку, молчала и спокойно дожидалась, когда приведут братьев, давая отцу время совладать с собой.

Когда они вошли, бледные от страха, Бодо шумно вздохнул, как будто собрался куда-то нырнуть. Но всё же нашёл в себе разума не пугать мальчиков ещё больше и плавным жестом указал на подготовленные для них места:

– Доброе утро. Пожалуйста, составьте нам компанию, молодые люди.

Слуги помогли детям рассестся, и близнецы замерли, с прямыми спинами и уложив сжатые в кулаки руки на коленях. Возможно, по дороге в трапезную, та служанка, опасаясь хозяйского гнева, успела запугать мальчишек, наказав им держать рот на замке – глядя на их окаменевшие от нервного напряжения лица, Маше легко предполагалось такое. Поймав взгляд Верда, она ободряюще ему подмигнула, и тот, узнав её, ответил ей полным надежды взглядом.

Граф тоже покосился на неё, и его взгляд был растерянным, словно он не знал, что делать дальше. Ему Маша послала ещё одну ободряющую улыбку.

– Надеюсь, вы не успели ещё позавтракать? – обратилась она к братьям. Напоказ медленно взяла льняную салфетку, развернула и уложила себе на колени.

Верд понял намёк, повторил её действие и пихнул брата локтем в бок, призывая поступить так же. Джард бросил на Машу хмурый взгляд, но подчинился. Кажется, кое-кто уже заведомо винил её во всех бедах.

– Нет, леди Бодо, – нехотя произнёс он, видя, что та продолжает на него смотреть.

– Можете называть меня Мари, – и прежде, чем мальчики успели запротестовать, продолжила, как ни в чём не бывало. – Мы пьём кофе, но думаю, он будет вам не совсем по вкусу. Что бы вы хотели испить?

Джард нахохлился ещё больше, и проворчал было:

– Что прикажете... – но Верд перебил его. Сверкая на Машу голубыми глазёнками, предвкушающе выдохнул:

– Можно лимонад?.. – и тут же смутился, посчитав, что просьба слишком дерзкая.

– Да, конечно, – ободряюще кивнула она, и он расплылся в счастливой улыбке.

– Тогда я тоже буду, – проворчал Джард, бросив нечитаемый косой взгляд на более храброго брата, и уточнил: – Лимонад. Я тоже буду лимонад.

Граф покосился на слугу, и тот с поклоном моментально испарился. Буквально ещё через мгновение на столе появился запотевший кувшин, в котором плавали лёд и кусочки цитрусов. Служанка наполнила стаканы мальчикам и отошла к стене, застыв там статуей.

– Как прошёл ваш вчерашний день? Что было интересного? – продолжила «наводить мосты» Мария. Взяла в руки булочку, надрезала и неторопливо намазала её маслом, с удовольствием отмечая, что Верд старательно скопировал каждое движение.

– Да ничего запоминающегося... – нахмурился он, отмечая, что булочка в его руках, отличие от Машиной, сильно крошится. – А впрочем... Мы поймали жука! Он просто огромный! – и от восторга взмахнул руками.

Джард еле заметно пихнул его в бок и прошипел:

– Ей про жуков неинтересно.

– Отчего же? – вскинула на него бровь Маша.

– От того, что девочкам не нравятся жуки и гусеницы, – скептически фыркнул Джард, бросая на неё насмешливые взгляды.

С подобным утверждением сложно было поспорить, зачастую так. И если даже в детстве Маша могла себя держать в руках, чтобы не визжать от их вида, как остальные сверстницы, то даже когда выросла, не могла перебороть неприятное подёргивание от брезгливости. К счастью, на помощь дочери пришёл граф.

– Помнится, я в детстве тоже был увлечён жуками, – произнёс он, откидываясь на стуле. – У меня их была целая коллекция! А что же ваш? Какой он, как выглядел?

Верд с энтузиазмом описал наросты на голове и цвет панциря насекомого.

– О, это очень редкий! – покивал граф. – Я видел такого всего пару раз, но так и не смог поймать... Как вам удалось?

Польщённые мальчишки тут же принялись наперебой рассказывать ему, что для этого им пришлось провести самую настоящую военную операцию по поимке насекомого. Из-за того, что уж больно жук хитёр! Несколько раз их план был близок к провалу: жук замечал их и успевал взлететь. Граф кивками и восклицаниями подбадривал их продолжать, и Маша расслабленно откинулась на спинку стула, наслаждаясь разворачивающейся перед её взором картиной.

Общаясь с сыновьями, мужчина будто оттаивал сердцем: горькие складочки у его рта смягчились, мышцы расслабились, а в глазах плескалась невероятная нежность. Да, близнецам никогда не заменить ему Мари, но на то человеческое сердце и большое, чтобы в нём хватило места всем. Пусть граф никогда не сможет забыть любимую дочь, но боль его притупится, утихнет, если он станет чаще видеться с детьми.

Воспользовавшись тем, что мужская часть её семейства увлечена разговором, Маша велела позвать Бергу. Когда верная горничная склонилась к её плечу, шёпотом попросила её отныне прислуживать близнецам, а на своё место, для службы Маше, подыскать другую горничную.

Женщина оторопела от такого решения и глаза её влажно заблестели.

– О, госпожа... Чем я прогневала вас?..

Мария качнула головой, заставляя её умолкнуть, и поведала о своих опасениях:

– Мне кажется, что слуги с ними дурно обращаются. Кому могу я ещё довериться, как не тебе? Ты уж, душенька, присмотри за мальчиками... Несладко им жилось в последнее время, сразу видно.

Берга изменилась в лице, целая буря эмоций промелькнула по нему: от удивлённого, жалостливого и до рассерженного, будто она готова была идти прямо сейчас и оттаскать за космы всех тех, кто посмел обидеть дитяток. Решительно посмотрела на мальчиков, будто уже усыновляя, и пылко заверила:

– Не извольте беспокоиться, леди Мари. При мне им ничего не грозит, это вы верно заметили. Я счастлива, что заслужила ваше доверие...

Граф всё же заметил их со служанкой перешёптывания, но одарил Машу еле заметным кивком и благосклонной улыбкой. Дождался, когда в разговоре с сыновьями наступила пауза, и позвал слугу:

– Приготовьте для молодых лордов те покои, что расположены рядом с моими. Берга, когда мальчики закончат завтракать, помогите им собрать и перенести свои вещи, – поднялся и с лёгким наклоном головы, мягко проговорил ребятам: – К сожалению, мне сейчас пора идти, но позже я обязательно хотел бы взглянуть на того жука.

Подошёл к Маше и, одними губами прошептал «спасибо», с благодарностью поцеловал в лоб. Такими же поцелуями, но наполненными нежностью, он одарил близнецов, и те замерли, вытаращив глаза и не зная, как реагировать.

Маша ощутила себя так, будто невидимый груз свалился с её плеч, и стало легче дышать. Смутившись от нахлынувшего счастья, она скользнула взглядом по столу и хмыкнула, подметив кое-что: сегодня, впервые за долгое время, привычная газета отца так и осталась недочитанной лежать на столе.

Глава 4

Мальчики вознесли жизнь в усадьбе на новый уровень. Внезапно оказалось, что табуны и виноградники графа Бодо вполне могли обходиться и без столь тщательнейшего надзора.

Каждый день после сиесты, ближе к вечеру, когда солнце пряталось за верхушками деревьев, и зной отступал, он выделял время, чтобы потренироваться с сыновьями на мечах. Маша радовалась тому, какими счастливыми и раскрасневшимися они возвращались с плаца.

Себе для общения с братьями Мария выбрала утро. Вместе они изучали простенькие плетения, которые подходили как тёмным, так и светлым магам. В игровой форме практиковали скучные упражнения по раскачиванию магического резерва.

Когда граф Бодо нанял для мальчиков преподавателя по магии, и близнецы продемонстрировали ему свои умения, учитель не удержался от восхищённого замечания:

– Леди Бодо, прошу простить мою дерзость, но будь у вас иной статус, я рекомендовал бы вам выбрать своей стезёй педагогику! У вас очевидный талант! Даже мне никогда не приходило в голову, что можно столь искромётно и увлекательно преподносить материал!

Маша зарделась от похвалы, но от комментариев, что встретиться они с ним в ином мире и при иных обстоятельствах, то наверняка стали бы коллегами, воздержалась.

Мальчики в ней души не чаяли, и она отвечала им взаимностью. Очень скоро они стали её величать просто «Маша» или «сестрица». Верд не упускал возможности обнять её, и даже сдержанный Джард нет-нет да и подставлял вихрастую голову, чтобы она его приласкала. Их жизнь наполнилась тихой радостью, и Маше уже стало казаться, что ничто не способно разрушить этой идиллии.

А зря. Беда пришла, откуда не ждали.

Ещё за завтраком Мария обратила внимание, что мальчики немного сонные. Но она списала это на то, что близился сезон дождей, горизонт уже заволокло тучами, и дети так реагируют на перемену погоды. Затем, в оранжерее, когда она с детьми проверяла рост экспериментальных образцов, Верд прижался к её боку, а она привычно скользнула ладонью по его голове. И ужаснулась: мальчик просто пылал! Кинулась к Джарду, коснулась рукой его лба и обнаружила такое же состояние.

Позвав Бергу, она вместе с ней отвела закапризничавших близнецов в их покои, уложила в постель и велела позвать лекаря. Места себе не могла найти, пока Каффер их осматривал. Вымеряла шагами коридор, теребила украшения на пальцах, уговаривала себя не паниковать преждевременно, но, когда лекарь вышел, взглянула в его серое от напряжения лицо и поняла, что всё серьёзно.

– Мне очень жаль, леди Мария, нечем вас обнадежить: состояние юных лордов тяжёлое и будет только ухудшаться... – в нервном движении поправил волосы, тяжёлым невидящим взглядом буравя пространство перед собой, а после будто принял нелёгкое решение: – Мне нужно переговорить с графом Бодо.

– О чём? Есть лекарство? – Маша схватила его за рукав и удержала. – Что с детьми?! Да не молчите вы!

Каффер взглянул на её пальцы, крепко вцепившиеся в ткань его сюртука, и вздохнул:

– Они подхватили лихорадку, происхождение которой мне неизвестно. Коллеги присылали послания об охватившей Юг заразе. Я надеялся, что усадьба достаточно обособлена, чтобы избежать этого поветрия, но, как видите, оказался не прав, и болезнь передаётся не от заражённого к заражённому... Всё, что пока удалось выяснить, – ею болеют только магически одарённые дети. И если те, кто не имеет пары, тяжело переболев, излечиваются, если заблокировать им дар, то маги-близнецы в любом случае умирают.

От такого известия пальцы Маши разжались, а руки безвольно повисли. Умирают... близнецы умирают... Её лучистые мальчики подхватили какую-то дрянь, перед которой Каффер бессилён... А её отец... О, боги! Он не перенесёт такого удара! Сначала Мари, теперь Джард и Верд...

– О чём тогда вы хотите говорить с графом? О том, что на надежды нет и ему следует готовиться к худшему?! – горько усмехнулась она. – Тогда уж молчите... Лучше молчите! Дайте ему хотя бы несколько дней надежды, что их можно спасти!

Каффер странно посмотрел на неё и нехотя произнёс:

– Надежда есть, леди Мари. Но там... всё сложно. И решать может только он. Именно об этом я и буду говорить с графом Бодо.

– Вы хотите предложить ему лечение, хотя не знаете, от чего случилась болезнь?! – истерично хохотнула она, чувствуя накатывающие на глаза слёзы. – Вы идиот, Каффер?! Даже я знаю, что лекарства, помогающие при одной болезни, могут ухудшить состояние при другой!

– Отчего же не знаю? Знаю, – оскорблённо поджал губы лекарь. – Эта болезнь пришла на Юг вместе с тучами с Севера, ровно из Пустоши. Это знак, леди Бодо, что времени больше не осталось, и старое проклятье уже нависло над всеми нами...

Слёзы хлынули из глаз Маши от понимания того, что она разговаривает сейчас не с учёным мужем, а религиозным фанатиком. Сумасшедшим, верящим в разные бредни!

– Какое проклятье, Каффер, вы в своём уме?! – закричала она. – Болезни порождают агрессивные микробы и вирусы, а не насылают боги! Остановитесь! Не смейте забивать графу голову подобной ерундой!..

Лекарь резко шагнул к ней и надавил на какую-то точку на её шее. У Маши мир в глазах помутнел и очень захотелось спать.

– У вас истерический припадок, леди Бодо, – сухо отчеканил он, – когда вы очнётесь, вам станет легче.

Маша отчаянно сопротивлялась, но сознание гасло. На шум из покоев близнецов выглянула Берга.

– Уложите леди Мари, а когда она очнётся, дайте успокаивающий травяной сбор, она перенервничала, – и поручил её служанке как раз в тот самый момент, когда Маша лишилась чувств.

Первым делом, когда Маша пришла в себя и увидела рядом Бергу, поинтересовалась у неё:

– Как мальчики?

– Хуже, – всхлинула она, протягивая дрожащими руками чашку с настоем. – Господин Каффер, чтобы приостановить развитие болезни, погрузил их в сон. Поэтому... они спят и им не больно... – и разразилась слезами.

Ощувив, что к горлу подкатил горький ком, Маша силком проглотила его, запив терпким настоем: рыдать будет потом! Сейчас, пока мальчики ещё дышат, есть надежда... не может не быть! Не справился Каффер? Что ж, отлично! Он – не единственный лекарь в стране. Они с отцом отправят в столицу и призовут... да хоть целый полк! Умыкнут личного целителя короля – не важно! Но Джард и Верд будут жить!

Она только-только успела взять себя в руки и прекратить горестно вздыхать на грани всхлипов, как в дверь тихонько заскреблись, и заглянула служанка. Увидев Машу, девушка старательно бесшумно проскользнула в комнату, словно боялась побеспокоить спящих близнецов и с поклоном тихо доложила:

– Леди Бодо, Его сиятельство желает вас видеть.

Маша лёгким взмахом руки отпустила её, отставила в сторону чашку, встала и подошла к кровати с мальчиками. Они спали и лица их были безмятежны, как у ангелочков. Еле уло-

вимо, чтобы не потревожить, Маша коснулась их кончиками пальцев, поправив непослушные прядки, и усмехнулась: отец хочет её видеть?

Прекрасно! Ей есть, что с ним обсудить. И неважно, что там успел наплести ему Каффер, она не позволит тратить драгоценное время на шарлатанов!

Наказав Берге следить за тем, чтобы мальчики не перегревались и вовремя менять охлаждающий компресс, она решительно направилась в кабинет графа.

Тот встретил её с таким каменным от напряжения лицом, что девушка внутренне подбралась, готовясь переубедить его. Ей казалось, что речь сразу пойдёт о её резкости с лекарем, недостойном поведении с тем, от кого зависела её жизнь. Но Маше на это было глубоко плевать: одно дело – жизненно необходимое зелье, и совсем другое – какие-то предрассудки о проклятиях.

Однако граф её удивил.

– Мария... Маша... – собрался с силами и выпалил на одном дыхании: – Послушай, дочь, я знаю, что не вправе просить тебя о подобном! Но при сложившихся обстоятельствах у меня просто нет выбора!

Она уселась в кресло напротив и молча внимала, дав мужчине волю объясниться так, как ему было удобнее.

– Это не твой грех, милая, – продолжал граф, – но всё сводится к тому, что отвечать за него придётся именно тебе... Прости! Я был в курсе того, что в столице Мари нанесла оскорбление князю Севера: после этого отношения с нашими землями охладели. Но я не предпринял шагов к примирению, надеясь, что когда братья женятся, обида забудется и мир восстановится сам собой... О если б знал я, что будет так, то сразу бы засыпал Север дарами и письмами с извинениями!

Маша раздражённо кашлянула и нахмурилась, показывая отцу, что сейчас впадать в самобичевание – не лучшее время. Он осёкся, нервно встрепал себе волосы и шумно вздохнул, словно переводя дух и беря себя в руки. Голос его зазвучал гораздо спокойнее после этого:

– Есть все основания полагать, что болезнь, которая поразила мальчиков, вспыхнула сначала на Севере, но они сумели её побороть. Скорее всего, дело в Пустоши: там произрастает множество ценных лекарственных трав, аналогов которым нет больше ни в одном уголке мира...

От этого известия Маша даже поддалась вперёд, не желая упустить ни слова.

– Одно из таких растений, леди Мария, входит в ваше зелье, – встрял в разговор Каффер, и только тут девушка увидела, что лекарь тоже присутствует в кабинете. Но расположился в углу на диванчике так, что войдя и сосредоточившись сразу на графе, она его не заметила.

– Из-за того, что отношения с Севером напряжены, – покивал граф, – мы не можем обратиться к поставщикам напрямую. А после того, что натворила Мари, боюсь, князья проигнорируют письмо...

– Но то, что у них были вспышки этого заболевания, с которыми они успешно справились – факт, я списывался с коллегами и они подтвердили. Даже прислали название растения и рецепт зелья, – поддакнул Каффер.

– Вот с этого и нужно было начинать! А то «проклятье, проклятье»! – гневно зыркнула на него Маша и повернулась к отцу: – Как быстро я смогу отправиться во владения князей? Слуги смогут подготовить экипаж и дары, чтобы я отправилась немедленно?

– Дочь... я... – оторопел от такой прыти граф.

– Ах, отец! Оставьте реверансы и сожаления на потом! – раздражённо отмахнулась от него она. – Да, я осознаю, что после того, что натворила Мари, встретят меня там без особого тепла, но что-то же нужно делать?! Я принесу извинения лично, как и полагается в подобных ситуациях: они же не знают, что сестры больше нет, а вместо неё другая. Да, за проступок Мари придётся отдуваться мне, но я готова на всё, чтобы с детьми всё было хорошо! А если для

гордости князей так важно, то выйду замуж за того, кто был оскорблён Мари, чтобы исправить этот грех. Мне всё равно! Я не позволю мальчикам умереть!

Граф загадочно переглянулся с Каффером и вымолвил ей:

– Я горжусь тобой! Сможешь отправиться немедленно? Судя по уплотняющимся тучам, скоро начнётся дождь и дороги развезёт: мне не хотелось бы, чтобы карета засела в грязи где-нибудь далеко от жилья, и тебе пришлось бы ждать помощи под ливнем. Велю запрячь самую быструю и выносливую четвёрку лошадей! Они домчат тебя до места всего за два-три дня...

Мария величественным кивком обозначила своё согласие и поднялась. Ей тоже нужно было тщательно подготовиться: блистательно выглядящей девушке, роняющей росинки слёз с трепещущих ресниц скорее окажут помощь, чем всклоченной после долгого путешествия кое-как наряженной мямле.

Кони неслись, радуя Марию своей скоростью. И всё же ей было немного досадно от того, что наличие магии не позволяло наколдовать лошадям крылья: так бы они добрались намного быстрее.

Корсет нещадно сжимал бока, Маша уже и забыла, какая непрактичная она, столичная мода. Но ей хотелось, чтобы князь вспомнил о своих чувствах, едва бы она сошла с подножки кареты. Вот именно для этого она и повелела достать из глубин шкафа столичные наряды: утянутая до безобразия талия, глубокое декольте – мысли мужчины должны были с первого взгляда стечь ниже пояса, чтобы на любую просьбу он смог только проблеять невразумительное «да».

Коварно? Возможно. Но у мальчиков не было времени на то, пока Маша изыщет в себе способности дипломата и урегулирует конфликт, который вообще-то не она заварила. А используя привлекательный вид, можно было одержать сокрушительную победу, не начиная битвы. Как говорится, – раз! – и сразу наповал.

Мария не исключала такой вероятности, что ей придётся ответить согласием на повторное предложение руки и сердца князя, именно поэтому она и обмолвилась о таком отцу, заранее его подготавливая к этому варианту развития событий. С другой стороны, рано или поздно наступил бы момент, когда её поставили перед фактом: замужество, как заключение союза между землями.

Так почему бы и нет? Так почему бы не согласиться на брак с тем, кто показался ей столь мудрым в свои годы? Не сразу, но она наверняка влюбится в него: высокий интеллект всегда был для неё непреодолимо притягателен. Жаль, на Земле она так и не встретила никого, кто обладал такой чертой, сплошные зазубренные маски-фразы, а тут...

«Спасибо за мечту... Спасибо...»

Да уж, всего три слова, а ей кажется, что она уже того... влюбилась... В мужчину, что произнёс их. В то время как другой вlepил бы Мари пощёчину. Да, верно, уже влюбилась. Пусть и ни разу ещё не увидев, но она уже испытывала к князю тёплые чувства.

Ливень настиг их как раз тогда, когда кучер поворачивал к воротам постоянного двора. Обрушился плотной стеной так, как будто разверзлись хляби небесные и норовили смыть с лица земли всех грешников.

Из кареты с собой Маша прихватила только сумочку, в которой у неё находился кошель с монетами, письмо князьям от графа Бодо, родовое кольцо да пузырьёк с зельем. Их Каффер вручил Маше с собой целый ларец, который теперь был надёжно спрятан в тайнике под сиденьем кареты вместе со шкатулкой с драгоценностями.

– Этого запаса вам хватит на месяц, леди Мария, – с назиданием всё говорил он, пока она прощалась с отцом и Бергой. – Я останусь здесь, чтобы контролировать состояние лордов, но полагаюсь на ваше благоразумие: тридцать капель, ни больше, ни меньше. И повторять приём каждый день не позднее того, как диск светила полностью скроется за горизонтом. Запомнили? Тридцать капель и месяц. На больший срок времени не хватит ни у вас, ни у ваших братьев...

Добраться до вотчины князей, вымолить прощение, раздобыть лекарственное растение, отправить его Кафферу, чтобы он приготовил из него зелье и на всё это ей отводился месяц. Всего лишь месяц... Много это или мало? И будет ли у Джарда с Вердом сил, чтобы продержаться это время и не сгореть от лихорадки? Отчего-то ей казалось, что нет.

Именно поэтому Маша испытывала раздражение, когда пришлось совершить вынужденную остановку, чтобы дать отдых лошадям. Ей хотелось нестись дальше, только вперёд! Но как бы не были быстры элитные скакуны графа, однако и им требовалось восстановить силы.

С порога она поняла, что в этом постоялом дворе останавливаются не только дворяне: в зале таверны витал густой смрад от немытых тел, прокисшего пива и перегара. Ей стоило усилий, чтобы не сморщить нос. Старательно не обращая внимания на пьяные комплименты и нарочито-восхищённый свист, прошла напрямик к стойке и потребовала предоставить комнаты.

Хозяин моментально оценил её внешний вид, расплылся в наигранной слащавой улыбке и заверил, что «усё сейчас всенепременно будет, леди»: и комнаты для неё и её слуг, и достойный уход для её лошадей, и ужин с мясом и сладким пирогом...

Маша не слушала. Оплатила сразу, не торгуясь, окликнула строящую глазки мужикам свою молоденькую служанку и вместе с ней поднялась наверх. Эта девушка не была её личной горничной, у той заболели брат и сестра в деревне, и Маша была вынуждена дать ей отпуск, а взамен взять вот эту... «прости-хоспади». О чём теперь было уже поздно жалеть.

Мрачное предчувствие беды не отпускало Машу с того самого момента, как она увидела местный контингент. Всю ночь ей казалось, будто кто-то тихо скребся в дверь, как если бы пытался открыть замок отмычкой. В этот момент она поняла, какой была самоуверенной, отказавшись от сопровождающих охранников: ей не хотелось излишне утяжелять карету, чтобы лошади могли скакать быстрее, а оказалось, что поступила весьма неумно.

Промыкавшись в столь неуютной чужой постели, лишь забрезжил рассвет, и небо посветлело, она дала слугам распоряжение выдвигаться: ей хотелось скорее убраться из этого места. Чувство, что за ней следят, не отпускало Машу даже в тот момент, когда карета выехала с постоялого двора. И позже, когда они отъехали на достаточное расстояние, лишь усилилось.

Поэтому когда к стуку копыт её четвёрки присоединились ещё, как если бы у лошадей выросли дополнительные ноги, Маша заметила сразу. Приоткрыла занавеску, выглянула и сразу оценила стремительно нагоняющие их неприятности.

– Гони! – что было мочи, крикнула она кучеру, и тому не пришлось повторять дважды.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.